

«Искусство есть там, где проявлено творчество, и истинно красиво только то, что создано талантом», — говорил в свое время Константин Мельников, один из любимых архитекторов Олега Дроздова. Это изречение вполне соответствует творческому кредо известного харьковского архитектора.

Эксперимент над временем

Что послужило точкой отсчета для Вашей профессиональной деятельности?

Я довольно рано решил стать архитектором, поэтому, думаю, с этого желания и началась моя профессиональная карьера. Во время учебы оформился интерес к тому, чем я сейчас занимаюсь. Ну и, наверное, мне помогло то, что изменилась ситуация в обществе: в последнее время стала возможной полная самореализация архитектора.

А есть такой объект, который Вы считаете удившимся на все сто?

Мне кажется, что самые серьезные точки роста — конкурсные проекты студенческой поры, потому что основные открытия были сделаны именно тогда. Я не могу выделить какой-то один объект. Дело в том, что архитектура очень интерактивная вещь. Наша профессия предполагает

постоянное эволюционирование. И, как любой художник, архитектор всегда движется дальше: ошибки и удачи формируют опыт, который по большому счету есть эксперимент над временем в чертежах или мыслях.

Харьков — город особенный. Повлияла ли его атмосфера на формирование профессиональных качеств?

В этом городе собирались удивительная и абсолютно разношерстная публика. Но сегодня Харьков в списке крупных городов Украины, наверное, стоит на последнем месте — по инвестициям и масштабам строительства. Если говорить о тривиальных квадратных метрах и общей сумме, затрачиваемой на строительство, Харьков уступает Днепропетровску, Донецку и Одессе. Но тем не менее он достаточно демократичен: здесь нет закрытых кланов и в целом город, как по советским,

Интерьер – бутик Status 2

Архитекторы – Олег Дроздов, Александр Жук

так и по украинским меркам, всегда оставался свободным. Мне нравится Харьков, он творческий, живой, и, как показывают все конкурсные мероприятия, проводимые здесь, у нас много людей, с которыми можно анализировать, обсуждать сделанное и продолжать работать, то есть жить.

Какова география Ваших объектов?

У нас были объекты в Крыму и Днепропетровске, в Днепропетровской области, Киеве. Однако это было связано с определенным творческим простором. Сейчас мы прекратили «гастроли», потому что работы и в Харькове более чем достаточно. В основном занимаемся средой вокруг себя. За десять лет работы у нас появились свои заказчики, с некоторыми из них нас связывает многолетний совместный опыт. Наши клиенты – это в основном люди,

которые не впервые что-то строят и не впервые обращаются к нам. А что касается столицы, там мы реализовали всего один проект, но очень удачный – ресторан «Тампопо». Дай Бог, чтобы у каждого были такие компетентные клиенты, которые знают, чего они хотят, и прекрасно разбираются в технологии, – фактически нашего киевского заказчика можно назвать идеальным.

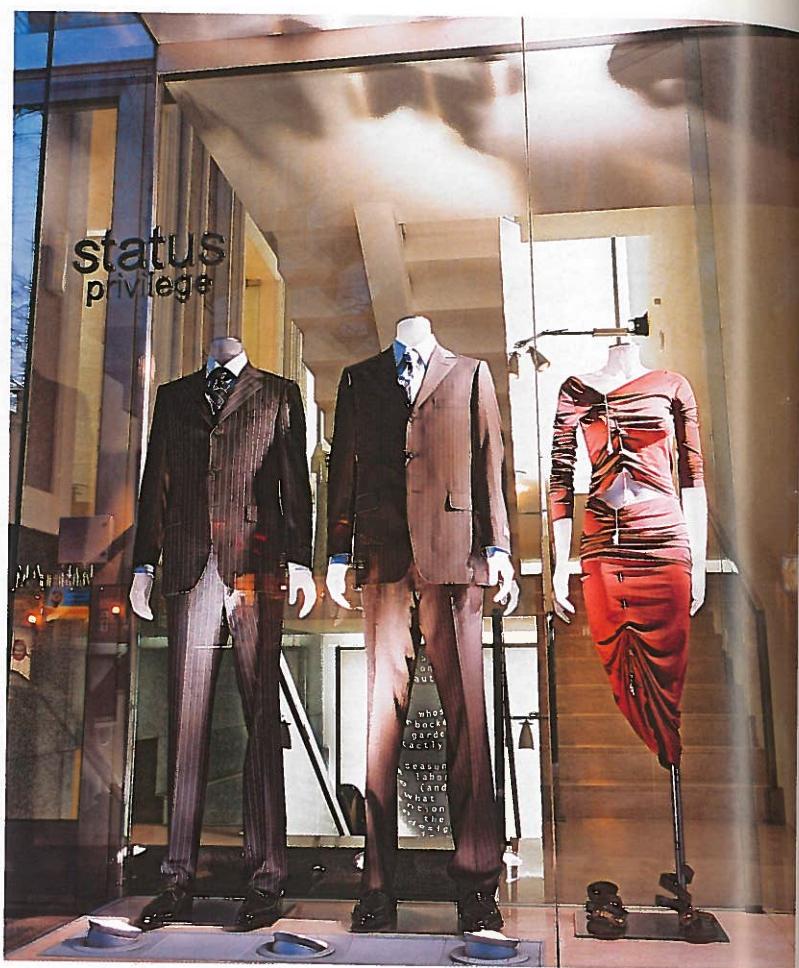
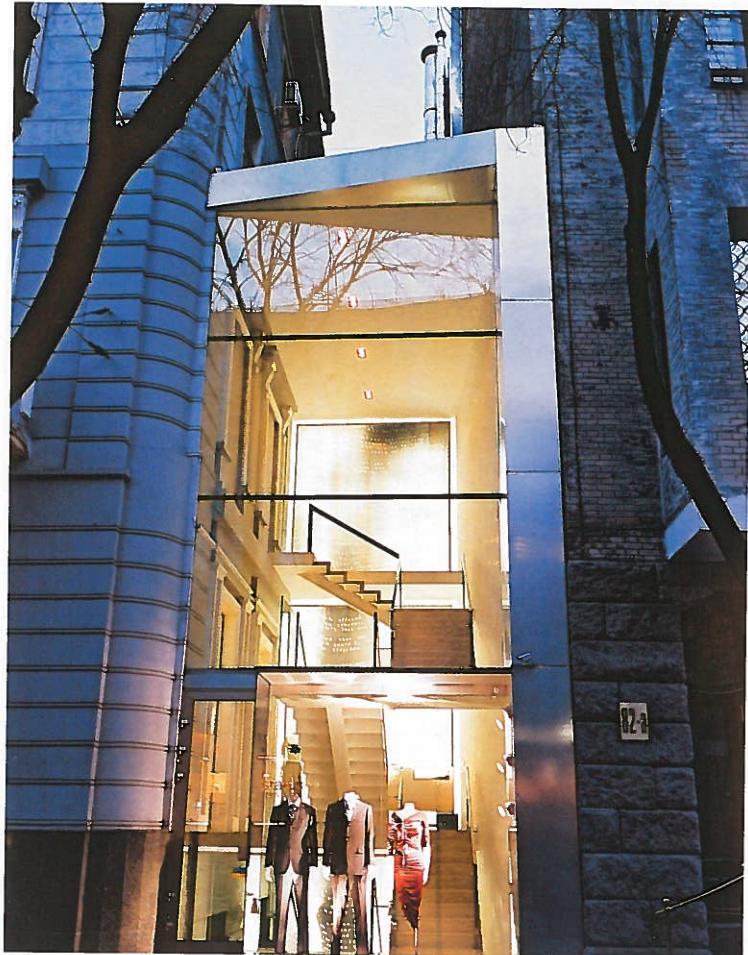
Некоторые утверждают, что Вы работаете в стиле минимализма. Так ли это на самом деле?

Я никогда не декларировал минималистскую эстетику. Она предполагает культ простоты, максимум один-два небольших пластических приема, которые призваны складывать некую плоскость. Минималистом можно назвать Тадао Андо, и то с оговоркой, исключив из рассмотрения некоторые его объекты. Мы же, скорее, работаем в контексте современной архитектуры – неомодернизма. Это культура конца 10-х – начала 20-х годов прошлого века, которая по большому счету никогда не умирала и продолжает эволюционировать. Для таких стран, как Нидерланды или Дания, с начала XX столетия и по сей день не существует другой стилистики. Там модернизм непрерывно развивался на протяжении почти ста лет и плавно перешел в неомодернизм.

Согласны ли Вы с тем, что минимализм искусственно привнесен в нашу среду?

Скорее, да. Славянской душе тяжело с этим смириться. Нам более свойственна лаконичность – сказать как можно больше в короткой фразе. Но минимализм и лаконичность абсолютно разные вещи. Минимализм – это лаконизм, возведенный в культ. Когда невозможно добавить ни одного слова, когда прилагаются

122 колоссальные усилия, чтобы спрятать функцию и технологию в плоскость. И на самом деле это очень дорогое мероприятие. **Что для Вас означает стиль?**

Чтобы у архитекторов выработался свой, узнаваемый стиль, безусловно, нужен новый итог в развитии общества. Но у нас, как и на Западе, пока не происходит заметной эволюции, наподобие той, которая наблюдалась в 60-х годах в музыке, живописи и в других сферах искусства и жизни в целом. Нынешнюю эпоху с трудом можно отличить от конца 90-х.

Очень трудно придумать что-то новое, когда уже много сказано.

Развитие архитектуры зависит от присутствия индивидуальностей и изменения технологии строительства. А она, в свою очередь, отражает перемены в образе жизни и быте. Кардинальный сдвиг в любой сфере предполагает единый социальный рывок.

Что, на Ваш взгляд, отличает удачный интерьер?

Я думаю, много факторов. Место, в котором находится объект, обладает своими особенностями. К примеру, историческим духом, который нужно сохранить. Интерьер всегда вписан в контекст среды, в том числе и в контекст конкретного дома. Ко всему прочему существуют еще и конкретные инженерные решения. Все эти воображаемые кальки накладываются друг на друга, и, если посмотреть их на просвет, должно появиться нечто особенное. Только учитывая все факторы, и в отдельности, и вместе, можно найти необходимую форму, технологию, функцию. Это и есть важнейшая задача, стоящая перед архитектором. Хороший инте-

рьер может получиться, когда ты ответил на все эти вопросы и отреагировал на все нюансы, ничего не игнорируя. Тогда ты создаешь живую, функциональную обстановку, которую ждет долгая жизнь. **А разве интерьер должен быть статичным и долговечным?**

Все зависит от конкретной ситуации. В проект интерьера должна быть изначально заложена допустимая трансформация, которую можно просчитать заранее. Иногда бывает, что при обживании новый интерьер теряет свою прелест, поэтому приходится что-то менять. Это, как правило, происходит по двум причинам:

Американские преподаватели учат студентов, что архитектура на 15 % состоит из творчества, а все остальное – бизнес. И я думаю, что пропорция именно такая. Ради этих 15 % мы и работаем.

124 либо архитектор не вдохнул жизнь в данное пространство, либо это был не его заказчик. Некоторые клиенты искусственно создают проблемы, считая, что они могут моделировать обстановку самостоятельно, не советуясь со специалистом. Вы работаете как с жилыми, так и с общественными интерьерами. Как удается создавать одинаково удачные проекты, которые столь различны по функции? Если архитектор работает не только ради денег, у него есть свои творческие планы и он живет полноценной профессиональной жизнью, то в каждом из его проектов воплощается не только новая авторская идея, но и все, что нарабатывалось раньше, от объекта к объекту. Законы вдохновения не зависят от того, над каким типом пространства – жилым или общественным – ты работаешь. Делать неинтересные вещи очень скучно, они предполагают определенное насилие над собой и даются очень нелегко, приходится постоянно искать дополнительные стимулы для работы. Реализуя действительно творческий проект, ты понимаешь, что именно ради него и решал раньше миллионы инженерных задач, добиваясь безупречного результата. У архитектора, который увлечен своей профессией, между объектами образуется непрерывная эволюционная связь. И в этом ряду не может быть откровенных неудач.

А чего больше в работе архитектора – творчества или рутин?

Отечественная система образования почему-то всегда считала, что архитектура сплошное творчество, а американские преподаватели учат студентов, что архитектура на 15 % состоит из творчества, а все остальное – бизнес. И я думаю, что пропорция именно такая. Ради этих 15 % мы и работаем.

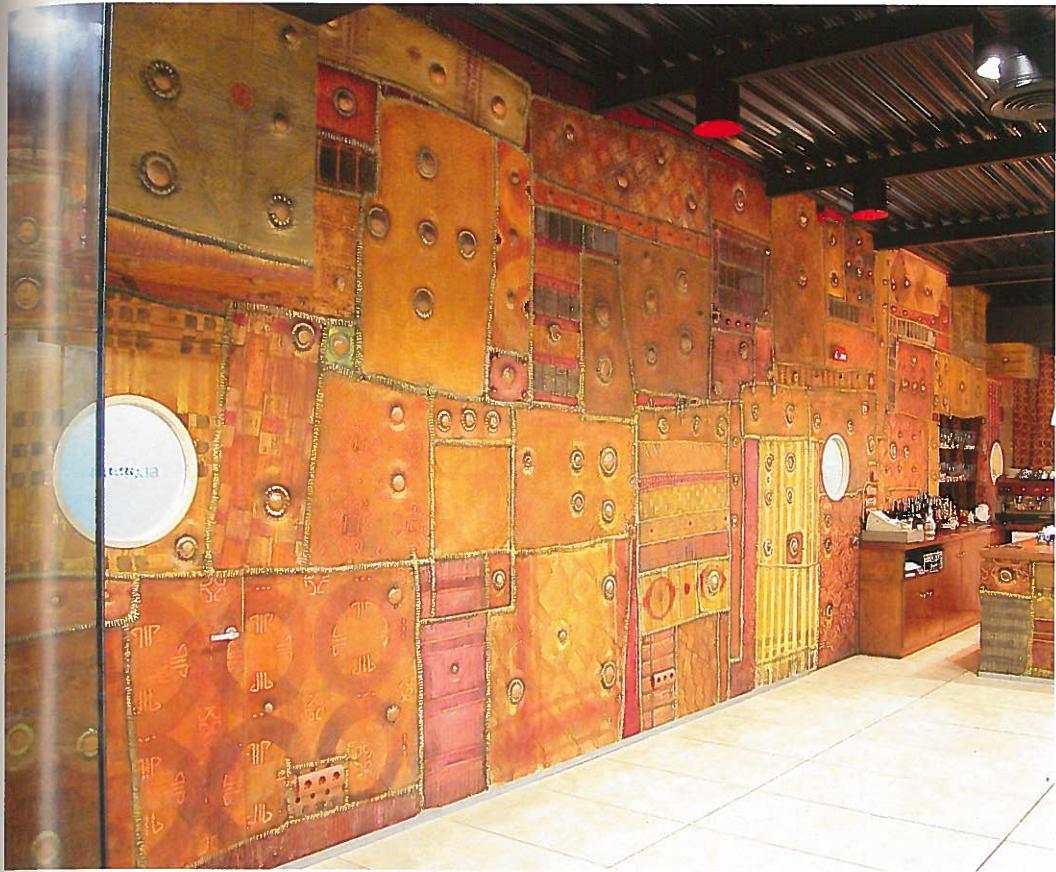
Откуда берется концепция очередного объекта?

У каждого художника есть свой взгляд на развитие пространства, определенное количество творческих заготовок, подходов и методологий. Каждый проект уникален, как и ситуация, его породившая. Но профессиональный опыт и воображение помогают каждый раз находить новое решение проблемы.

Какова доля идейного вклада заказчика в разрабатываемый проект?

Никто не может сформулировать идею глубже и описать желаемый интерьер ярче, чем человек, которому предстоит жить в нем или работать. Условно говоря, мы делаем слепок с его слов. Иногда, конечно, бывает, что человек еще не определился или его желания меняются.

Интерьер – ресторан «Бухара»
Архитекторы – Олег Дроздов, Вячеслав Жемир

В таких случаях может получиться, что созданная оболочка не совсем соответствует его внутреннему миру.

Вы участвуете во многих конкурсах, на Вашем счету не одна победа, а в этом году завоевали гран-при на конкурсе «Inter Year—2003». Не ощущаете себя живым классиком?

Это вопрос не ко мне. Мне приходилось бывать во многих странах, и могу сказать, что конкурсная активность абсолютно нормальна для любого архитектурного учреждения. В нашей стране есть 10-20 бюро, которые работают, придерживаясь определенного уровня. Но у нас пока не существует топ-имен. Мне хватает самоиронии, чтобы понять, что в нормальной стране такие фирмы, как наша, просто определенная платформа, на которой растет этот «топ». А чтобы сформировалась подобная категория профессионалов, должно пройти 5-10 лет. Мы такие, какие есть.

Что, по-Вашему, отличает Украину от других стран?

Лишь некоторые регионы и проектные фирмы Украины можно отнести к европейскому контексту. Просто люди живут несколько иначе, и поэтому ценности современной западной архитектуры им неинтересны. Я не говорю о качестве архитектуры. Последняя может быть представлена на достаточно высоком уровне, но она из другого контекста. К большому сожалению, в 80 % реализованных в Украине проектов угадывается азиатский, иррациональный подход к объекту.

Приходится ли Вам решать градостроительные проблемы?

Сейчас в украинском обществе более популярен интерьерный дизайн, и люди лучше осведомлены об этой сфере деятельности. Мы вначале ставили себе цель

постепенно охватить и большие проекты. И теперь проектируем в основном масштабные объекты. Наши архитекторы комплексно подходят к решению задачи, учитывая все нюансы взаимодействия конкретного сооружения с окружающей его средой.

А в жилом пространстве для Вас важна связь с экстерьером?

С жилыми интерьерами мы сталкиваемся редко, например проектируя коттеджи, и при этом внутреннее пространство получается само собой, как часть общей структуры. Оно не занимает в наших планах какого-то особого места. Прежде всего есть дом, а интерьер рождается сам собой, без специальных наработок. Когда мы только начинаем проектировать дом, уже представляем себе, какими будут мебель и обстановка в целом.

А что касается наружной отделки, это тоже часть общего архитектурного замысла, поэтому мы стараемся не устанавливать границ между экстерьером и интерьером. Это перетекающие пространства, которые должны взаимодействовать друг с другом. И если появляется окно, то вид из него должен гармонировать со стеной напротив, поскольку из этих нюансов и создается пространственное единство.

Единственный объект, который мы реализовали в только что построенном здании — шоу-рум компании «Влада-Промтекс». Но чаще всего нам приходится заниматься реконструкцией готовых пространств, модернизировать интерьеры в старых постройках, имеющих собственную историю. И в основном мы всегда переосмысливаем здание, в котором находится объект, в контексте городской среды, архитектурных деталей, стремясь осторожно внедриться, как можно меньше разрушить и сохранить максимум тех ценностей, которые в нем остались.

Как Вы думаете, может ли интерьер чему-то научить человека?

Пожалуй, да. В отличие от наших соседей — Польши и Словакии, — в Украине лет 10 назад частные дома в два этажа можно было пересчитать по пальцам. Люди переселялись из малогабаритных квартир в просторные, а затем и в загородные дома, не имея традиции жить в таких пространствах и изобретая технологию на ходу. Конечно, они, в определенном смысле рисуют, потому что не до конца представляют себе технологию жизни, а вместе с ними рисует и архитектор. **С**